

7. Никольский Р. П. Психология реальности. Донецк : ООО «Агентство Мультипресс». 2008.
8. Савельев С. В. Называю вас обезьяной. «Русский Репортер». 2010. №6 (134). URL: <http://rusrep.ru/2010/06/savelev> (дата обращения: 03.03.2018)
9. Фреско Ж. Все лучшее, что не купишь за деньги. М. : Общественная Организация «Проектирование Будущего». 2013.

Магомедов К. М.

ПО КАКОЙ ЛОГИКЕ МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС?

Аннотация. В статье раскрываются особенности и пределы использования классической и диалектической логик для религиоведческих и культурологических исследований. Показывается, что инклюзивное мышление и логика больше соответствуют современному мультикультурализму, что позволяет устранить бинарно-дихотомическую направленность традиционного мышления, что часто является внутренней причиной различных экстремистских проявлений в сознании и поведении людей.

Ключевые слова: классическая и диалектическая логика, эксклюзивное и инклюзивное мышление, религия, культура.

Увидел в программе работы вашей авторитетной конференции раздел «Логика и религия: аналитическая теология, математическая теология. От Спинозы и Лейбница к Гегелю и далее», задающий религиоведению и теологии необходимую философскую «глубину», и решил принять участие в ней. Только я не буду касаться историко-философского аспекта и, тем более, всех теорий о неполноте К. Гегеля и других, относящихся, как правило, к аксиоматически упорядоченным формам знания. Речь пойдет о том, по какой из известных мыслительных матриц и логик нужно строить современный внутриконфессиональный и межконфессиональный диалог.

Выяснение этих основных мыслительных матриц имеет важное практическое значение, поскольку мы часто как мыслим, так и действуем в реальных поведенческих актах. Логика человеческих поступков, как правило, задается не только социальными, нравственными, правовыми и другими детерминантами, но и господствующей в социуме логикой мышления.

В когнитивной психологии есть понятие «матрица мышления», которое определяется как своеобразная мыслительная и оценочная стратегия, направляемая господствующей в обществе и познании логикой. Эти матрицы мышления, выраженные доминирующей в социуме логикой, напоминают эффективные правила дорожного движения, организующие все динамические процессы на дорогах, поскольку они направляют всю познавательную и оценочную деятельность человека и общества.

С сожалением приходится отмечать, что культурный диалог и профессиональное общение часто строятся по мыслительным канонам формальной классической, или, как ее называют, аристотелевской логики. Согласно этой логике, в соответствии с законами «непротиворечия» и «исключенного третьего», не могут быть одинаково истинными два противоположных суждения. Тем самым весь мыслительный процесс направляется по пути бинарности, дихотомичности и оппозиционности: «или – или», «третьего», как говорится, не дано. История науки показала чрезвычайную эвристичность и конструктивность этой логики для всех без исключения сфер естественнонаучного знания. Действительно, мышление истинно тогда и только тогда, когда оно непротиворечиво.

Необходимо отметить, что данная мыслительная стратегия эффективна не только для естественнонаучной сферы познания. Ее полезность и безупречность очевидна и в социальном познании, например, для юридической теории и практики, где без канонов формальной логики невозможно строить конструктивный и состязательный правовой диалог. Эта же логика лежит в основании всех математических наук и информатики. Наверное, есть смысл говорить о том, что по данной логике формируется значительная часть познавательной и оценочной стратегии человека и общества.

Проблемы, приводящие к экстремизации мышления, начинаются тогда, когда мы начинаем абсолютизировать когнитивный аппарат формальной логики, распространять его на все, без исключения гуманитарные науки и ценностно-мировоззренческие вопросы. Особенно драматичны последствия переноса такой стратегии мышления на сферы формирования профессиональной и этнокультурной идентичности. Хотя на каждом шагу говорится о многополярности современного мира, о множественности проявления человеческой мультикультуры, с сожалением приходится констатировать, что мы часто продолжаем здесь мыслить по метрике традиционной логики: истинно-ложно, правильно-неправильно, прогрессивно-реакционно и т.д.

Таким образом, становится очевидно, что одной из глубинных причин проявления культурного, профессионального и этнического эгоизма, приводящего к возникновению различных экстремистских форм, является подобная расширительная трактовка канонов и пределов использования механизмов формально-логического мышления. Ведь в основе практических форм проявления тоталитаризма и экстремизма находятся,

прежде всего, соответствующие экстремистские мыслительные формы, построенные на отмеченных выше оценочных крайностях, заданных традиционной логикой.

В свое время Кант своими антиномиями чистого разума показал, насколько ограничена и недостаточна классическая логика для постижения полноты жизни и бытия. Поэтому XIX и XX вв. в значительной степени, начиная с Гегеля, прошли под знаком утверждения новой, более универсальной, диалектической логики, в существенной степени, устраняющей эту бинарно-дихотомическую матрицу мышления, заданную формальной логикой. В основе этой логики лежит понимание того, что все сущее есть развивающееся единство противоположностей. Эта логика явилась чрезвычайно полезным инструментом для всего познания, особенно для раскрытия полноты социального и гуманитарного дискурса.

Вместе с тем, необходимо отметить, что и диалектической логике не удастся в полной мере устранить бинарно-дихотомическую и оппозиционную матрицу мышления, заданной традиционной логикой. Связано это с тем, что метрика противопоставления одного другому, пусть не такая альтернативная, как в традиционной логике, все-таки сохраняется и в диалектической логике. Очевидно, что не всегда сущее можно рассматривать через единство и «борьбу» противоположностей, на что ориентируют все законы и категориальные пары в диалектике. Бывает часто так, что то или иное содержание просто невозможно выразить как противоречивое единство в многообразии; часто возникает потребность выразить его «мягче», без драматургии противопоставления.

Не случайно, постмодернизм в качестве своей задачи поставил устранение этой, устоявшейся во всех сферах познания и культуры, дихотомичности, взаимной оппозиционности, бинарности и альтернативности. Поэтому должна быть найдена соответствующая логика, более адекватно отражающая ризоматический дух современного мультикультурализма и плюрализма.

Таким образом, становится ясно, что на базе формальной, и отчасти, диалектической, логик формируется преимущественно эксклюзивная метрика организации культуры, основанная на противопоставлении одних ее концептов другим, построенная, как правило, по принципам «я и ты», «мы и они», «свой-чужой», подчеркивающие свою исключительность, непохожесть, спекулирующие на собственной идентичности, в чем бы последняя ни выражалась.

Становится очевидно, что для организации межкультурного диалога такая логика мышления далеко недостаточна и она часто порождает различные экстремистские формы. Поэтому все чаще и чаще в литературе подчеркивается необходимость в социально-гуманитарных процессах, особенно в теории и практике организации межконфессионального диалога, строить свою деятельность на инклюзивной логике, которая несколько иначе рассматривает многие процессы [1, с. 2]. Она, в отличие от классической и диалектической логик, ориентирована не на противопоставление одних культурных и мыслительных матриц другим, усиливая их взаимное отчуждение, а на их объединение и сближение в пространстве общечеловеческих ценностей. Согласно этой логике, нельзя одну культурную форму называть истинной, правильной, ценной, а другую, ложной, неправильной или менее ценной. Тут действует своеобразная метрика «всеистинности» и «всеценности», конечно, если исключить все культурные формы, не удовлетворяющие общечеловеческим стандартам, вредных и опасных для человека и человечества.

Эта логика только начинает утверждаться в мышлении людей и поэтому актуальная задача исследователей – показать, как она действует в различных процессах и сферах познания. Хотя механизмы инклюзивности в духовных процессах присутствовали всегда, особенно там, где говорилось о толерантности и мультикультурализме, к концептуальной разработке этой логики мышления и поведения научное сообщество еще только приступает.

Необходимо заметить, что о важности формирования такой инклюзивной матрицы мышления впервые заговорили представители философии религии и религиоведения, особенно исламоведения [3].

Только такое инклюзивное мышление и инклюзивная логика могут обеспечить формирование конвергентной мыслительной и оценочной стратегии воспитания личности с определенной когнитивной гибкостью, т.е. с мышлением, способным находить точки соприкосновения и совпадения у различных идей и концептов, умеющим одновременно держать в поле сознания различные и даже взаимоисключающие подходы, не теряя при этом собственной культурной идентичности. Такая когнитивная гибкость в современном многополярном и мультикультуральном мире становится исключительно востребованным навыком, позволяющим отойти от когнитивного эгоизма и одномерности видения мира, помогающим принимать точку зрения представителей других культур, конфессий, этносов.

Особенно важно распространение инклюзивной культуры мышления в межконфессиональном и внутриконефессинальном диалоге, где любые проявления мыслительного и ценностного эгоизма формирует питательную почву для различных экстремистских проявлений в сознании и поведении людей.

Сказанное, конечно же, не означает, что перечисленные выше различные логики, формирующие определенные матрицы мышления, сменяют друг друга и перестают действовать в познавательном и оценочном дискурсе. Ни одна из этих логик не исчерпали своих ресурсов, они продолжают действовать в мышлении, обогащая сложный и противоречивый процесс постижения различных культурных форм.

Из изложенного выше вытекает главный вывод: необходимо культивировать через повседневное общение, воспитание и преподавание все возможные логические матрицы мышления. Особенно важно в современных условиях мультикультурализма формирование инклюзивного мышления и логики, которые смогут преодолеть эксклюзивную, раздельную стратегию в организации всей многообразной культуры.

Библиографический список:

1. Магомедов К. М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под ред. В. Э. Манаповой, О. С. Мутиевой. Махачкала : АЛЕФ. 2018. С. 128–132.
2. Магомедов К. М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре // IX международная научно-практическая конференция «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи». 9–10 ноября 2017 г. Махачкала. Махачкала. 2017. С. 114–119.
3. Смирнов А. В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва – Махачкала, апрель 2015 г. М., Махачкала : Дельта-Пресс. 2015. С. 43–54.

Мухутдинов О. М.

ПОНЯТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. АВРЕЛИЙ АВГУСТИН, «ИСПОВЕДЬ», КНИГА X

Аннотация. В докладе предлагается интерпретация феномена первоначального настоящего времени на примере десятой книги «Исповеди» Аврелия Августина. Идея первоначального настоящего времени рассматривается с точки зрения экстатического временного единства, лежащего в основании обыденного представления о времени. Экспликация феномена первоначального настоящего времени становится возможной в процессе перехода от обыденного понятия времени к содержательному осмыслению идеи благой жизни.

Ключевые слова: Аврелий Августин, настоящее время, память, благая жизнь.

В предлагаемом рассуждении будет предпринята попытка обратиться к исследованию феномена настоящего времени в десятой книге «Исповеди» Аврелия Августина. Методом исследования является феноменологический метод выявления являющегося. Гуссерль, основоположник феноменологического движения, первоначально рассматривает феноменологию в качестве метода анализа актов, лежащих в основании возникновения смысла и значения логических выражений. В дальнейшем Гуссерль интерпретирует феноменологию как метод исследования «чистого сознания», что определяет его переход на позиции «феноменологической психологии». Хайдеггер, ученик Гуссерля, в ранних лекциях радикально переосмысливает идею феноменологического исследования в качестве условия возможности описания исторического мира фактической жизни. Одним из показательных результатов продуктивного применения метода феноменологической аналитики к исследованию исторического мира становятся прочитанные Хайдеггером в 1921–1922 гг. лекции по феноменологии религиозной жизни. Темой этих лекций являлась феноменологическая реконструкция мира исторической жизни ранних христиан на примере тщательного герменевтического анализа текстов посланий апостола Павла и десятой книги «Исповеди» Аврелия Августина.

Под настоящим временем в нашей статье понимается первоначальное действительное время и используется здесь определение «настоящее» в том же смысле, в каком это слово используется в выражениях «настоящий Караваджо», «настоящее золото» и т.д. Первоначальное настоящее время в этом значении отличается от того настоящего времени, которое понимается как настоящее «теперь» или «сейчас». «Теперь» есть настоящее, в отношении к которому прошедшее время понимается как «уже-не-теперь», а будущее – как «еще-не-теперь». Настоящее «теперь» не обладает внутренней устойчивостью, а потому не пребывает. Понимание настоящего времени, ориентированное на опыт «теперь» или «сейчас», называется обыденным или «вульгарным». Первоначальное настоящее время представляет собой экстатическое временное единство (*die sich zeitigende Zeitlichkeit der Zeit*), являющееся условием возможности существования будущего, понимаемого как «теперь» настоящего и прошедшего времени. Все три указанных момента времени являются производными модусами первоначального настоящего времени.

Августин в «Исповеди» не дает развернутого описания феномена первоначального настоящего времени, настоящее время не является темой его рассуждения. Тем не менее, обсуждение проблемы времени в одиннадцатой книге «Исповеди» становится возможным исключительно в силу того, что в предшествующей десятой книге эта тема присутствует в качестве неявной предпосылки. Задача выявления первоначального настоящего времени является темой феноменологической аналитики.